

A modern Russian woman: some thoughts on her active and passive in a socio-legal status

N. N. Tarusina¹, S. A. Novozhilova¹, A. D. Rubtsova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-3-428-443

Research article
Full text in Russian

The article offers some reflections on regulatory and legal characteristics of a modern Russian woman's status in fields of politics, civil and labor activity and family relations. It identifies certain prerequisites of a gender neutralization of legislation, law enforcement and other kinds of social practices in indicated life spheres. Some examples of reasonable differentiation of legal opportunities of a woman (due to her reproductive function) compared to those of a man, as well as certain discriminatory positions, mostly in employment relations (job restrictions, ineffective protection against harassment, etc.) are given. The actual state of affairs in indicated fields is illustrated with statistical data, cases of judicial practice, references to famous Russian politicians' views.

Keywords: Russian woman; politics; civil activity; labor; family; gender neutralization; differentiation of status; examples of discrimination

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N. | E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Novozhilova, Sofia A. | E-mail: novosofy@mail.ru

Rubtsova, Anastasia D. | E-mail: nstrbtsva16@gmail.com

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-015)

Современная российская женщина: размышления об активе и пассиве в социально-юридическом статусе

Н. Н. Тарусина¹, С. А. Новожилова¹, А. Д. Рубцова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-3-428-443
УДК 347.61/64

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье предлагаются размышления о нормативно-правовых характеристиках статуса современной российской женщины в сфере политики, гражданской активности, трудовой деятельности и семейных отношений. Выявляются предпосылки для гендерной нейтрализации законодательства, правоприменительной и иной социальной практики в указанных областях жизнедеятельности. Приводятся образцы обоснованной дифференциации правовых возможностей женщины (в связи с ее репродуктивной функцией) и мужчины, а также и дискриминационных позиций, особенно в пространстве трудовых отношений (ограничение в профессии, неэффективность защиты от харассмента и др.). Картина фактического состояния дел в означенной области иллюстрируется статистическими данными, материалами судебной практики, обращением к позициям известных российских политиков.

Ключевые слова: российская женщина; политика; гражданская активность; труд; семья; гендерная нейтрализация; дифференциация статуса; примеры дискриминации

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда Николаевна	E-mail: nant@uniyar.ac.ru ORCID iD: 0000-0001-8827-5532 Кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства, заслуженный юрист РФ
Новожилова, София Андреевна	E-mail: novosofy@mail.ru Консультант некоммерческой организации социальной направленности
Рубцова, Анастасия Дмитриевна	E-mail: nstrbtsva16@gmail.com Сотрудник редакционно-издательского отдела

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-015)

Исторические и современные, политические, общесоциальные и правовые штрихи к портрету российской женщины, ее жизни в пространстве эмансипации, контрэмансипации и дискриминации богаты различными красками и технологиями социальных и юридических практик, интеллектуальными и эмоциональными впечатлениями исследователей «женской истории», современной социально-политической активности, предлагаемых для них «правовых одежд» из разряда «высокой моды» и «прет-а-порте». Начавшись в 60-е годы XIX в., чрезвычайно ускорившись в 1917–1918 годах, частично отступив от завоеванных позиций в 30–50-е годы XX в., столь же частично отринув означенное отступление к концу данного века, процесс эмансипации российской женщины и в настоящее время характеризуется «гендерными играми» (преимущественно в виде «качелей») в политическом, социальном и правовом пространстве. Поскольку авторы причисляют себя к представителям юриспруденции, последний акцент видения проблемы является предпочтительным, хотя и, в рамках наших размышлений, не единственным. Наиболее показательна противоречивость женской эмансипации в семи отраслях российского права – конституционном, трудовом, социально-обеспечительном, уголовном, уголовно-исполнительном, медицинском и семейном. «Искупавшись» в означенных семи «водах», российская женщина в целом демонстрирует закаленность натуры, хотя и не без трудностей ее сохранения и реализации. Поскольку объем статьи не позволяет охватить всю означенную проблематику, мы исключим из нее, во-первых, социально-обеспечительные аспекты (с их наиважнейшей ролью в поддержке материнства, требующей отдельного обобщения и аналитики) и собственно карательные (в их специальном значении гендерной дифференциации системы наказаний и их реализации).

Норма ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, продолжая традицию прежних конституций, провозглашает принцип равенства мужчины и женщины, а в норме ч. 1 ст. 38 – идею о всемерной защите материнства (заметьте: о защите отцовства в ней речи не идет – такая задача была сформулирована лишь в 2020 г. – в конституционной поправке п. «ж-прим.» ст. 72). Однако означенным постулатам юридической судьбой предписаны весьма разнообразные «приключения».

Так, даже с терминологической точки зрения просматриваются явные патримониальные предпочтения как алфавитного, так и сущностного порядка [1]. Самый яркий пример первого: для заключения брака необходимо согласие мужчины и женщины (ст. 12 Семейного кодекса РФ; далее – СК РФ); в означенной ранее конституционной поправке алфавитная последовательность аналогична. В продолжение темы: при перечислении прав на общение с детьми бабушки терминологически предшествуют бабушкам – ст. 67 СК РФ (хотя и алфавитно, и в реальной жизни, как мы знаем, все – наоборот: именно и прежде всего бабушки, да простят нас дедушки, являются субъектами непреходящей социальной и семейной ценности) и т. д. Печальные

примеры второго типа: в трудовом законодательстве используется понятие «одинокая мать» – ст. 261 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ), «одиноким отец» – отсутствует; норма ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» при перечислении субъектов права на участие в программе суррогатного материнства употребляет совершенно непозволительный термин «одинокая женщина», не упоминая (разумеется) «одинокую мужчину»... (Видимо, независимо от семейного статуса последний не может быть одиноким по определению.) Российский законодатель не задумывается также о негативном филологическом контексте с точки зрения обыкновений русского языка (тем более – антиэстетическом и психологически дискомфортном восприятии) понятия «суррогатная мать». Не подвергается сомнению и не планируется к изменению традиция наименования профессий и должностей по мужскому терминологическому типу. И т. д. Обратимся, однако, к онтологическим аспектам общесоциального и правового статуса российской женщины и его реализации.

Политическая и гражданская активность российских женщин

Во исполнение идеи о создании предпосылок для значимого женского представительства в органах государственной власти и управления еще в 2003 году в Государственную Думу РФ был предложен законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации», которым в том числе предусматривался при замещении должностей государственной службы приоритет той гендерной группы, чье представительство составляет менее половины. Его текст, в редкие периоды политического возбуждения относительно гендерной проблематики, освобождался «из-под сукна» профильных комитетов (но без результата) и отправлялся туда вновь. Одновременно представительницы женских общественных организаций безуспешно обращались к политическим партиям о включении в их избирательные бюллетени не менее 30 % женщин. Неоднозначно относясь к самой идее представительского квотирования, все же заметим, что на определенном этапе противодействия патриархатному контексту парламентаризма и в целом государственного управления оно, пусть и не в качестве правовой нормы, а на уровне социального призыва, является полезным. Однако, к сожалению, призывность его данной идеи не воплощается в соответствующий результат. Так, гендерный состав действующей Государственной Думы РФ (по данным на 2025 год) выглядит следующим образом: из 450 депутатов – 77 женщин (17,1 %); среди 12 заместителей ее Председателя – 2 женщины; из 32 комитетов Думы лишь четырьмя руководят «представители лучшей половины человечества». Процент женского участия по партийным спискам (из числа депутатов): 26,7 % (4 чел.) – от партии «Новые люди», 19,1 % (61 чел.) – «Единой России», 14 % (8 чел.) – Коммунистической партии, 14,2 % (4 чел.) – от партии «Справедливая Россия – Патриоты – За Правду» и 4,5 %

(1 чел.) – от Либерально-демократической партии¹. Из 89 российских регионов только в 2 регионах женщины являются руководителями законодательных органов. Среди мэров 22 городов с населением от 500 тыс. до 1 млн чел. – ни одной женщины, более 1 млн (15 городов) – аналогично².

В доктрине и в сфере массовых коммуникаций отмечается «маскулинность территории российской политики»: 1) переход женщины от подчиненного положения к равноправию «изначально предполагал обязательную мимику: мало «победить» мужчин, надо сделать это на их «территории», пропитанной «мачистским духом», признать единственно верными используемые ими методы» [2]; 2) «...популярна вечная убогая вариация на тему «женщина и политика – две вещи несовместимые». При этом из материалов ООН и других источников следует, что социальная проблематика в рядах политической власти актуализируется при женском представительстве не менее чем на 20 % (в оптимуме – 40–50 %). (Впрочем, это не является аксиомой – скорее высоковероятностное предположение, так как оно не всегда подтверждается на практике: имеются примеры женского лидерства отнюдь не социальной направленности, а также образцы увеличения социализаторского контекста законодательства в ситуации мужского лидерства. Кроме того, в доктрине достаточно давно также заявлена позиция о неочевидности женской доминанты при принятии решений «мягкого права» в адрес защиты неимущих граждан, интересов женской и/или детской части населения и т. п., «мобилизации женщин как женщин» [3]).

Общественно-политическая активность российских женщин может проявляться в различных формах, в том числе через институты гражданского общества. Так, женщины плодотворно участвуют в работе общественных палат. В составе Общественной палаты РФ – 58 женщин (33,7 %). Из 85 региональных палат 29 возглавляют женщины³, то есть 34,1 % (в национальных республиках – ни одной), что в том числе косвенно свидетельствует о большей готовности мужчин уступить руководящее кресло женщине там, где работа в основном осуществляется на безвозмездной основе и не предполагает властных полномочий. Принятие Федерального закона «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 года № 135-ФЗ 1995 года стало значимым шагом к легализации и упорядочиванию благотворительных усилий в стране, возможности создать современную архитектуру для благотворительности, где женщины снова нашли своё место и даже заняли лидирующие позиции. Так, по данным, озвученным вице-спикером Совета Федерации Галиной Кареловой в 2022 году, около 80 % волонтеров в России составляют женщины⁴.

¹ Первоначально – 0 чел.

² По состоянию на 2021 год – соответственно 7 и 4 чел.

³ По федеральным округам: ЦФО – 6 из 18, ЮФО – 2 из 8, СЗФО – 3 из 11, ДФО – 2 из 9, ЧФО – 7 из 12, УФО – 1 из 6, ПФО – 4 из 14, СКФО – 4 из 7.

⁴ Карелова: почти 80 процентов волонтеров в России – женщины. Подробнее в ПГ: <https://www.pnp.ru/social/karelova-pochti-80-procentov-volontyorov-v-rossii-zhenshhiny.html>

В 2024 году, как отмечает Александр Левит, директор ресурсного центра «Мосволонтер», большинство представителей волонтерского сообщества — женщины (82,8 %)⁵. Добровольчество в России являет собой уникальное общественное явление, где также преобладает женское начало. Женщины, принимая активное участие в волонтерской деятельности, не только способствуют улучшению жизни общества, но и формируют новую культуру сотрудничества и взаимопомощи, бизнес-инициатив и гражданственности. Для подтверждения гипотезы о женском лице сферы благотворительности в России нами было проведено исследование данных, размещенных в реестре зарегистрированных НКО Минюста России по Ярославской, Костромской, Ивановской областям, которое выявило следующую пропорцию женщин-руководителей благотворительных НКО: в Ярославской области — из 51 организации в 27 руководителями являются женщины, в Костромской области соответственно из 44 организаций — в 24, в Ивановской области из 45 — также в 24. Подтверждается гипотеза и данными о руководителях 10 крупнейших благотворительных организаций на основе рейтинга РАЕХ и рэйтинга «Социальный навигатор»⁶ — руководителями этих НКО являются 9 женщин и 1 мужчина. В Ярославской области в соответствии с Указом губернатора Ярославской области 14.04. 2014 года № 151 создан Реестр благотворительных организаций Ярославской области, которые пользуются приоритетной поддержкой со стороны органов власти региона. В реестр включены 8 организаций, из которых пятью руководят женщины.

В избирательном процессе женщины также активны как в качестве избирателей и кандидатов на выборные должности, так и в статусе других участников избирательного процесса. Тезис о том, что у российской избирательной системы «женское лицо» (что довольно часто подчеркивает в своих выступлениях Председатель Центральной избирательной комиссии России Э. А. Памфилова) выглядит на первый взгляд вполне убедительным и подтверждается статистикой: женщины возглавляют более 80 % участковых избирательных комиссий в России. Однако при этом следует отметить интересную деталь: с повышением уровня избирательных комиссий (от участковых до региональных) кратно уменьшается и пропорция женского представительства в них: около 65 % женщин — в первых и около 40 % — во вторых. В действующем составе ЦИК России женщин и вовсе менее 30 % — всего 4 из 15 членов этого государственного органа. Очевидно, что труд в избирательных комиссиях локального типа — более напряженный и менее оплачиваемый, что само по себе уже может объяснять, почему мужчины не заинтересованы в конкуренции с женщинами за означенную работу (она явно не относится к «месту под солнцем»). Допускаем и еще одну «хитрость»: ак-

⁵ В Москве снова составили портрет столичного волонтера. <https://asi.org.ru/news/2025/02/06/v-moskve-snova-sostavili-portret-stolichnogo-volontera/>

⁶ <https://www.miloserdie.ru/article/pervye-v-rejtinge-10-krupnejshih-blagotvoritelnyh-organizatsij-rossii/>

тивное привлечение женщин к работе в избирательной системе, в том числе на руководящие должности (должность Председателя ЦИК), так или иначе «работает» на повышение доверия населения к выборам, которое было утеряно за последние десятилетия.

В сфере труда, несмотря на тяготение законодателя к гендерной нейтрализации с помощью конструкции «лица с семейными обязанностями», дифференциация правового статуса женщины и мужчины по ряду направлений по-прежнему доминирует. Отчасти это обусловлено объективными причинами: беременность, послеродовое физическое состояние женщины, необходимость заботы о грудном ребенке требуют внимания в образе охранительных норм о специальном отпуске, а также об условиях выполнения трудовой функции в означенный период (если женщина досрочно приступает к работе) или обеспечении целевых социальных выплат, что российским законодателем в целом осуществляется довольно последовательно и успешно. Однако наряду с обоснованной дифференциацией статусов на нормативном и/или правоприменительном уровне присутствует и дискриминация. Наиболее ярким образцом таковой являются нормы о прямом ограничении права женщины на профессию: в 2000 году перечень работ, для которых было запрещено использовать труд женщин, насчитывал 456 специальностей. Так, например, в связи с означенным запретом А. Ю. Клевец было отказано в зачислении на курсы по обучению специальности «помощник машиниста электропоезда» при предприятии «Петербургский метрополитен». Она обжаловала отказ в судебном порядке, прошла все судебные инстанции, обратилась с жалобой в Конституционный Суд РФ, который не усмотрел оснований для принятия ее к рассмотрению (определение от 22.03.2012 № 617-0-0), в частности указав: 1) реализация принципа равенства должна осуществляться с учетом социальной роли женщины в продолжении рода, заботы о ее репродуктивном здоровье; 2) по смыслу ст. 253 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) обжалуемый перечень не является абсолютным – ограничение может быть преодолено путем улучшения конкретных условий труда; 3) проверка его обоснованности не входит в компетенцию Суда – она должна осуществляться судами общей юрисдикции. Полагаем, что в конкретном случае обсуждаемой проблемы ограничение связано скорее с оценкой интеллектуальных возможностей и психологических особенностей женщины (что как раз и свидетельствует о дискриминации), а не тяжелых/опасных условий труда, кои положены Правительством РФ в основание перечня работ. Кроме того, обоснованности подобного «принудительного осчастливливания» противостоит идея о праве женщины на репродуктивный выбор: хотя мы, безусловно, не являемся сторонниками клуба «childfree», означенная свобода женщины вполне очевидна, в том числе в вопросе о факте и сроке материнства. Нельзя забывать и о женщинах, чье репродуктивное здоровье (и/или возраст) материнство исключает... В настоящее время (с 2019 г.) перечень сокращен до 99 профессий (приказ Минтруда России от 18.07.2019

№ 512н; в ред. от 25.12.24). Однако и в обновленном перечне можно обнаружить сомнительные ограничения: авиамеханик (техник) по планерам и двигателям, машинист экскаватора, работа по уходу за некоторыми видами животных... Тем не менее в целом можно констатировать, что действующий запрет на профессию, несомненно, близок к нормам о дифференциации подхода, нежели к дискриминации. Видимо, гражданская активность женщин и определенная разумность управленцев принесли значимый доход в «копилку» женской эмансипации в сфере труда. Они приблизили российскую ситуацию к относительной гармонии идей о гендерном равенстве и социальной ответственности государства в вопросе сохранения женского здоровья [4]. Впрочем, как мы уже отметили, «вспашка гендерного поля профессий» явно не завершена, хотя и продвинулась вперед, по пути гендерной нейтрализации: утверждены изменения Перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин, утвержденного Приказом Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (Приказ Минтруда России от 25.12.2024 № 724н вступил в силу с 17.02.2025) (пункт 10 утратил силу). Кроме того, авиамеханик исключен из перечня – подпункт б пункта 57 утратил силу с 1 марта 2022 года (Приказ Минтруда России от 13.05.2021 N313н).

По-прежнему актуальными остаются вопросы женского трудоустройства. Даже и в обычных (не чрезвычайных, непандемических) условиях жизни временное самоисключение женщины из сферы общественного труда на период беременности и ухода за грудным ребенком, перерыв в карьере создают трудности для последующей ее трудовой реабилитации. К данным обстоятельствам женских жизненных «обыкновений» добавляются и вполне традиционные проблемы трудоустройства, в рамках которых, как правило, в латентной форме работодатели нередко ищут способы приоритетного приема на работу мужчин, в перспективах которых репродуктивная (и в целом – семейная) функция не выражена столь ярко, как у женщин. Обстоятельства известной пандемии несколько сместили акценты: с одной стороны, массовый перевод сотрудников на дистанционную форму работы, казалось бы, облегчил совмещение общественного и домашнего труда, однако, с другой стороны, он вернул на полный день в семью и в общее жилище детей, мужей, родственников, что увеличило объемы семейно-бытового обслуживания (в котором российская женщина, как правило, по-прежнему является работающей единицей, а мужчина – «почетным членом клуба»); кроме того, дистанционная форма размывает период рабочего времени, а также нередко предполагает и дополнительные виды работы. (Например, в сфере преподавательского труда появилось обязательное требование по освоению современных дистанционных технологий, созданию весьма разнообразного электронного образовательного продукта; информационные и контрольно-измерительные контакты со студентами начали осуществляться далеко не в рамках обычного рабочего графика и т. д.) [5]. Пандемические локдау-

ны также отразились на женском трудоустройстве. Впрочем, следует заметить, что одновременно появились и дополнительные возможности: новые формы занятости рынка труда исключительно для женщин, новые методы поиска вакансий и приемлемые формы удаленной работы, что позволяет женщинам самостоятельно восстанавливать пространство для своей трудовой самореализации. Так, самые распространенные удаленные профессии для женщин после пандемии: SMM менеджер, контент-мейкер, копирайтер, видеоблогер, веб-дизайнер, администратор маркетплейсов. Из новых способов поиска вакансий – активное ведение соцсетей. Представляет интерес выдержка из статьи «Женщины за карантином. На чьи плечи ляжет обслуживание человечества во время пандемии»: «Пандемия означает повышенные нагрузки для медицинских работников, особенно для персонала среднего звена. В России более 71 % врачей и свыше 95 % среднего медицинского персонала (по данным Министерства здравоохранения) – женщины. Эти женщины должны будут спасать нас и наших близких от нового вируса, дежурить по ночам, а потом возвращаться домой, чтобы приготовить обеды на несколько дней, проверить уроки детей, дать им наставления и снова уйти на работу. Почти риторический вопрос: выдержат ли такой распорядок дня российские мужчины?...»⁷

Среди актуальных проблем сегодняшнего дня особое место принадлежит явлению харассмента, понимаемого как в узком смысле (сексуальное домогательство), так и в широком (непристойные предложения, оскорбительные замечания, психологическое преследование и т. п.). Будучи фактически распространенным, оно не находится в «разработанном правовом поле»: в настоящее время каждая российская женщина, как правило, «выживает в одиночку», большинство из них по-прежнему вынуждены либо терпеть домогательства, либо увольняться, либо, что крайне редко, прибегать к современным техническим средствам фиксации противоправных действий и настаивать на правовых последствиях. При этом ни общество, ни работодатели, ни работники (как его часть) в общей своей массе не готовы активно поддержать женщину в ее противостоянии означенным формам насилия. (По сообщениям средств массовой информации, статистика подтверждает 16 % случаев хотя бы однократного домогательства в адрес женщин; около трети работодателей реагируют на подобные действия⁸. (Только у 4 % работодателей существуют формальные процедуры предотвращения

⁷ Женщины за карантином. На чьи плечи ляжет обслуживание человечества во время пандемии // Новая газета. 2020. 30 марта. № 33. URL: <https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fnovayagazeta.ru%2Farticles%2F2020%2F03%2F23%2F84469-zhenschiny-za-karantinom&utf=1> (дата обращения: 30.03.2025).

⁸ 'Seksual'nye domogatel'stva na rabote: rossijskaya specifika', Vedomosti, 23 January 2020, available at. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2020/01/22/821257-rabotodateli-pomogayut>, accessed 10 January (дата обращения: 21.04.2025).

и расследования случаев харассмента⁹. Полагаем, что приведенные статистические данные вряд ли соответствуют реальной действительности, так как неприемлемые действия в адрес работающих женщин, как правило, традиционно остаются в латентном поле. Это сомнение подтверждается и нашей личной практикой.)

В доктрине трудового права отмечается, что, поскольку харассмент не рассматривается как форма дискриминации и опасная разновидность психосоциального риска, а правила доказывания в гражданском процессе не обеспечивают эффективность защиты потерпевшей стороне, для работницы-истца обоснование своей позиции становится непосильной ношей, а перспектива победы в судебном противостоянии с работодателем – скорее эфемерной, нежели вероятностной. При этом исследователями примеров судебных решений, которые основывались бы на фактах сексуального домогательства, не обнаружено [6]. Совершенно очевидно, что российские законодательство и правоприменение должны явным и, хотя бы относительно, эффективным образом скорректировать свою позицию по данной проблеме.

В самом начале наших размышлений (о проблемности юридической терминологии в контексте гендера) мы зафиксировали наличие в юриспруденции понятия «одинокая мать» (при отсутствии понятия «одинокый отец»). Однако информация, разумеется, не сводится только к филологическому протесту. Речь идет о женщине, самостоятельно решающей свои родительские, экономические и другие проблемы. В узком смысле к данной женской группе относятся женщины, не состоящие в браке и имеющие внебрачного ребенка (детей). Именно данная характеристика необходима для получения официального статуса и соответствующей специальной социальной поддержки. В широкой коннотации в группу подключаются разведенные матери и вдовы, воспитывающие ребенка (детей) без отца. Однако их жизнедеятельность поддерживается государством по общим правилам трудового и социального законодательства – как семей с детьми. Тем не менее в обеих подгруппах с социологической точки зрения наличествуют сходные проблемы при осуществлении права на работу, а индивидуальный выбор (рассматриваемый как ценность) в их случае значительно затруднен семейными обстоятельствами: они нередко вынуждены довольствоваться низким заработком (при стабильной работе), минимальным досуговым временем и ресурсами для него, отсутствием реального социального лифта, каналов вертикальной мобильности. Исключения, конечно, есть, но они, по своему известному статусу, подтверждают зафиксированное грустное правило. Значит, и в этой социальной нише законодателю следует посмотреть на проблему и шире, и глубже, не ограничивая свои возможности только социальными пособиями и не всегда эффективными гарантиями в сфере труда.

⁹ См.: URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/113869/zhenschiny-stali-chasche-zhalovatsya-na-harassment-so-storony-kolleg/> (дата обращения: 21.04.2025).

Сфера отношений с семейным элементом

На стыке медицинского и семейного законодательства находятся проблемы, обусловленные правом женщины на прерывание беременности (как компоненте ее фундаментального права распоряжаться своей жизнью). Это право не связано с позицией мужчины (в том числе мужа женщины), хотя спекулятивные соображения относительно внедрения в закон конструкции согласия мужчины на аборт в доктрине заявляются – с опорой на идею гендерного равенства [7]. Кроме того, означенной свободе противостоят религиозные идеи и практики, полагающие аборт греховным делом (в ряде стран, например в Польше, в этой связи вводятся соответствующие жесткие ограничения). Между тем и российское медицинское законодательство не рассматривает обсуждаемое право в контексте абсолютной свободы: прерывание беременности сроком до 12 недель осуществляется по усмотрению женщины, свыше этого срока и до 22 недель – по социальным показаниям, перечень которых постоянно корректируется в сторону уменьшения, по медицинским показаниям – независимо от срока, на основании решения консилиума врачей. Как известно, среди причин, мотивирующих женщину на аборт, наиболее распространенными являются экономические, а в последнее время – и социально-психологические (нежелание прерывать карьерный рост, исключать себя из общественных коммуникаций, преодолевать трудности материнства). В подобных случаях в полной мере не работают такие инструменты, как предоставление материнского капитала, налоговые льготы и льготы по ипотеке и т. п., а также идеологическая агитация за материнство как социальной ценности. Особо трудны случаи принятия решения о сохранении беременности при неблагоприятном прогнозе о здоровье будущего ребенка. При этом в последние годы актуализировалась проблема возможного будущего конфликта данного и подобных решений с «потенциальной автономией ребенка», его правом не согласиться с родительским (прежде всего материнским) выбором, в том числе в ситуации применения вспомогательных репродуктивных технологий. Российское законодательство пока находится за скобками его регулирования, ограничившись запретом выбора пола будущего ребенка [8]. Корректировка позиций о социальных показаниях к прерыванию беременности и реакция на генетические аспекты ее планирования и сохранения – задача ближайшего будущего.

Одним из «гендерных лидеров» является собственно **семейное законодательство**. Поскольку тематика нашего исследования адресована женщине как субъекту права, мы обойдем вниманием те аспекты правового регулирования, а также административной и судебной практики, которые ориентированы на дифференциацию семейно-правового статуса мужчины, – об ограничении на участие в программе суррогатного материнства и праве на развод в течение беременности жены и года после рождения ребенка, явном гендерном дисбалансе при разрешении судом споров о месте прожи-

вания ребенка в ситуации расторжения брака между его/ее родителями или при внебрачном родительстве. Мы также выведем за скобки исследования те гендерные аспекты, которые, будучи крайне актуальными и дискуссионными, имеют с точки зрения российского законодательства и частично – правовой доктрины гендерно универсальную онтологию (конституционная поправка о браке как союзе мужчины и женщины, отсутствие легальной возможности создания однополого семейного союза, проблема правовых последствий смены пола в браке, запрет усыновления/удочерения гражданам государств с вариативным пониманием сущности брачного союза и т. п.), поскольку они адресованы не только женщине (обзору российских правовых позиций по данным вопросам посвящено немало трудов [9]).

В институте брака с точки зрения справедливого и разумного обеспечения прав и интересов женщины высвечиваются три вектора размышлений. Первый: несмотря на однозначно заявленную позицию о светском характере супружества и недопущении на этом основании полигамии, в политической и правовой доктрине встречаются суждения в защиту означенной формы союза, а в социальной практике некоторых южных территорий – ее фактические образцы. Так, идею многоженства весьма настойчиво поддерживал лидер Либерально-демократической партии (В. Жириновский), обосновывая свою позицию несколькими соображениями: 1) в связи с диспропорцией полов не всем женщинам, стремящимся к браку, семье с детьми, такая возможность предоставляется; 2) многоженство в большей степени ориентирует мужчин к ответственному поведению¹⁰. Идею полигамии поддерживают и некоторые представители мусульманского духовенства. В доктрине семейного права также иногда высказываются в пользу полигамии: ее узаконение защитило бы интересы тех женщин, которые состоят в фактическом полигамном союзе, а также расширило бы выбор формы брака и на территориях, где многоженство не составляет национально-культурной традиции. Лидеры женского движения (например, М. Арбатова) квалифицируют подобные заявления как китч, личный пиар, а не научно обоснованную позицию и, в контексте гендерной нейтрализации, нисходя к уровню аргументации своих оппонентов, предлагают ввести также полиандрию (многомужество) ...¹¹ Конституционный Суд РФ, отвечая на жалобу одного из апологетов многоженства на нарушение его конституционных прав (определение от 18.12.2007 № 851-0-0), подтвердил светское основание брака и недопустимость соучастия в нем более двух лиц.

Второй вектор размышлений ориентирован на проблему фактического супружества. Как известно, до 1944 года наше законодательство признава-

¹⁰ ‘Zhirinovskij prizval razreshit’ mnogozhenstvo v Rossii’, Izvestiya, 21 October 2019, available at. URL: <https://iz.ru/934612/2019-10-21/zhirinovskii-prizval-razreshit-mnogozhenstvo-v-rossii>, accessed 10 January 2022 (дата обращения: 30.03.2025).

¹¹ ‘Mariya Arbatova: Ya protiv mnogozhenstva bez mnogomuzhestva’, Liveinternet. 7 August 2009, available at. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2471598/post107944225/>, accessed 10 January 2022 (дата обращения: 30.03.2025)

ло его юридическое значение, а в политической и правовой доктрине, в рамках обсуждения соответствующего положения семейного закона (1926 г.), высказывались даже предположения о перспективах фактического брака как будущей и единственной формы супружества, независимой от государственного вмешательства. Этого не произошло (что прогнозируемо), а отношение к незарегистрированному союзу поменялось на противоположное. Между тем социальная практика демонстрирует постоянное присутствие данного явления в российском обществе, а юридическая практика – очевидную незащищенность (в основном имущественного характера) именно и прежде всего женщины: при прекращении незарегистрированного семейного союза или в случае смерти фактического супруга (женщины, как правило, живут дольше мужчин) она не может претендовать ни на справедливую долю в нажитом имуществе (при прекращении совместного проживания), ни на долю в наследстве. Единственное основание для защиты ее интересов в последнем случае – судебное признание ее находившейся на иждивении (как нетрудоспособной) фактического супруга, что допускает ее к наследованию. При этом, с учетом сохранения во многих семьях патриархического характера отношений, именно женщина в основном занимается домашним хозяйством, ухаживает за общими детьми (если они есть), родственниками, нередко посвятив себя этому полностью или в значительной части своего времени и трудовой энергии. Соответственно, она нередко либо не работает в общественном (не домашнем) секторе, либо принимает в нем участие по тому или иному сокращенному варианту. Именно эти обстоятельства периодически мотивируют некоторых российских политиков возбуждать вопрос о возвращении юридической защиты интересов фактических супругов (женщины). Однако среди законодателей оказалось по-прежнему много противников идеи признания фактического брака. Ассортимент их аргументов разнообразен – от опасения утраты позиций «законного брака», заботы о государственной статистике семейных отношений и трудностях социальной поддержки семей до квалификации фактического брака как «греховного союза». Законопроектное размышление актуализировалось в связи с проблемой защиты прав и интересов фактических вдов участников СВО, однако и в означенном случае оно хотя и воплотилось в конкретные предложения, но до сих пор не реализуются в образе закона [10].

Институты родительства и иного попечения над детьми формально в целом гендерно нейтральны. Дискутируются лишь несколько положений, напрямую затрагивающих интересы женщины. Во-первых, универсальный характер презумпции отцовства в браке не всегда соответствует интересам женщины-матери: прежнее законодательство предусматривало ее право заявить при регистрации рождения ребенка об отцовстве не мужа, а другого мужчины (с его на то согласия), в доктрине предлагается это правило вернуть, так как оспаривание презумпции в очевидных случаях нецелесообразно, в том числе ввиду затратности судебного процесса. Во-вторых, об-

суждается вопрос о праве женщины, родившей ребенка вне брака, чье отцовство официально не установлено, присвоить ему/ей не отчество, а матчество. Опираясь на традиции, действующее законодательство этого категорически не позволяет. Однако практически запрет можно обойти: поскольку в означенном случае осуществляется так называемая фиктивная запись об отце (его имя и отчество по указанию матери – ч. 3 ст. 51 СК РФ), женщина в качестве имени отца и отчества ребенка может зафиксировать аналог своего имени, то есть матчество (Ольга-Ольгий, Анна-Анниевич и т. д.). В-третьих, довольно жесткая дискуссия ведется по вопросу преимущественного права суррогатной матери на рожденного ею ребенка (генетические родители-заказчики записываются матерью/отцом только с ее согласия). Это положение зафиксировано императивной нормой ч. 4 ст. 51 СК РФ. Несмотря на очевидность приоритета, судебная практика по вопросу его устойчивости весьма противоречива. Так, в 2012 году Конституционный Суд РФ не счел обжалуемую норму неконституционной: российский законодатель избрал один из двух возможных вариантов – приоритет суррогатной матери, а не генетических родителей (определение от 15.05.2012 г. № 880-0). Однако после далеко не однозначной правовой позиции Верховного Суда РФ (п. 31 постановления от 16.05.2017 г. № 16) о возможности решения дела в пользу генетических родителей, в том числе в интересах ребенка, Конституционный Суд РФ в 2018 г. хотя и отказал в рассмотрении жалобы заявителей, указал, что они могут опираться на правовую позицию Верховного Суда РФ (определение от 27.09.2018 г. № 2318-0). Тем самым была создана, вопреки императиву семейно-правовой нормы, основа для переориентировки судебной практики, причем противоречащей закону (вместо того, чтобы реализовать право законодательной инициативы) [11]. Между тем дискуссионный контекст о суррогатном материнстве гораздо шире. Подвергается сомнению сама сущность данного явления, которое в этом смысле квалифицируется как эксплуатация женщины и торговля детьми, что в той или иной мере разделяется значительным числом государств. Вряд ли можно прогнозировать запрет программы суррогатного материнства в России («ящик Пандоры» открыт), однако решения об усилении ограничений вполне допустимы.

Представляет интерес формулировка нормы ст. 49 СК РФ, предписывающая суду при решении спора об установлении внебрачного отцовства руководствоваться достоверными доказательствами. Тонкость заключается в том, что гражданско-процессуальное законодательство по всем делам ориентирует судей на установление действительных обстоятельств на основе истинных фактов. Тогда почему же именно в адрес означенной категории дел (и никакой более) сделано указанное заявление? Тому есть историко-правовое и социальное объяснение. Семейный закон в вопросе внебрачного отцовства был не просто противоречив, но и жесток: в 1944 году из соображений решения демографической проблемы (возникшей из-за страшных людских потерь в ходе войны) законодатель сознательно освободил мужчи-

ну от какой бы то ни было ответственности за судьбу внебрачного ребенка (в графе «отец» ставился прочерк), возложив ее в полной мере на женщину (именно тогда появилось понятие «одинокая мать»); в последующем, при обсуждении отмены данного «драконовского» решения, депутаты (да и некоторые представители юридической науки) настаивали на сохранении некоторых ограничений в этом вопросе, дабы «не потворствовать женскому легкомыслию». В результате сначала суды получили норму, ограничивавшую возможность удовлетворения иска определенными обстоятельствами (1969 г.), а затем, после снятия такого ограничения, в качестве рудимента прежнего подхода обнаружили эксклюзивный (в своей странности) призыв опираться на достоверные доказательства именно по делам о внебрачном отцовстве – аплодисменты депутатам [12].

Третий вектор размышлений ориентирует на семейные имущественные правоотношения. Так, например, действующее законодательство не слишком щедро формулирует основания алиментных обязательств между супругами/бывшими супругами, ограничиваясь фактами нетрудоспособности (инвалидность; достижение пенсионного возраста), беременности жены/бывшей жены, ухода за ребенком до 3 лет или ребенком-инвалидом. Однако возникают и другие сложные жизненные ситуации: женщина не работала (домашний труд у нас официально таковым не считается) – вела домохозяйство, заботилась о детях, вступив в брак, не завершила образования, не получила профессию, длительное время болеет, но не признана инвалидом и т. д. – это также должно предполагать возможность получения помощи в виде алиментов, пусть и временно. Полагаем, что позитивная реакция законодателя здесь уместна.

Определенной социализации должна быть подвергнута и конструкция брачного договора: впервые внедренная в российское законодательство лишь в 1994 году, она, по сути, была экспериментальной, не вполне приуроченной к российской действительности. Однако уже и тогда было ясно, что параллельное суверенное сосуществование двух противоположных технологий правового регулирования отношений собственности супругов не соответствует сложившейся традиции, а главное – не обеспечивает прежде всего интересы женщины при прекращении брака. Допущение режима долевой, а особенно раздельной собственности по факту в абсолютном большинстве случаев ущемляет именно ее интересы примерно в тех же ситуациях, что и в фактическом супружестве. Поэтому полагаем, что свобода брачного договора должна быть ограничена установлением хотя бы минимума защиты социально слабой стороны: закрепления справедливых условий и оснований материальной поддержки после расторжения брака и гарантированности выделения такой доли имущества, которое обеспечивало бы минимальные значимые жизненные потребности. К сожалению, увлеченность коммерческими контекстами жизнедеятельности до сих пор не позволяет российскому законодателю обратить внимание на данную проблему.

В качестве краткого итога размышлений о социально-юридических «играх» вокруг статуса современной российской женщины и его реализации видится вполне очевидное соображение: несмотря на обоснованную дифференциацию юридических возможностей, тенденцию на гендерную нейтрализацию (выравнивание) правовых статусов женщины и мужчины, пока еще значительное воздействие на правотворчество и правоприменение оказывают остатки патриархического менталитета (вкуче с иными субъективными соображениями, ошибками и т. п.), что пока не позволяет достичь разумного баланса прав, интересов и факта в бытии заглавной фигуры настоящей статьи.

Ссылки

1. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 3. С. 115-122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115
2. Голод С. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40-49. EDN IPWLWL
3. Айвазова С. Г. Гендер: граница и/или измерение политического поля. Перечитывая классиков // Политическая наука. 2018. № 2. С. 34-52. EDN LXNFSP
4. Силласте Г. Рынок труда, занятости и профессии как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 38-51. DOI 10.21064/WinRS.2020.2.4
5. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex Russica. 2021. Т. 74, № 8. С. 99-109. DOI 10.17803/1729-5920.2021.177.8.099-109
6. Головина С. Ю., Ситченко Е. В., Войтковская И. В. Защита от насилия и домогательств в сфере труда: вызовы и возможности для России и Казахстана // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 624-647. DOI 10.17072/1995-4190-2021-53-624-647
7. Тарусина Н. Н. Доктрина и семейный закон: переосмысление правового регулирования семейных отношений или «усекновение» традиции? // Закон. 2024. № 6. С. 78-85. DOI 10.37239/0869-4400-2024-21-6-78-85
8. Богданова Е. Концептуальные основы защиты субъективных гражданских прав в сфере репродукции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 30-56. DOI 10.17072/1995-4190-2021-51-30-56
9. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1. С. 131-146. DOI 10.17803/1729-5920.2022.182.1.131-146
10. Тарусина Н. Н. Фактическое супружество: на «волнах» эволюции российской цивилистики // Семейное и жилищное право. 2025. № 2. С. 11-13. DOI 10.18572/1999-477X-2025-2-11-13
11. Тарусина Н. Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. № 2. С. 95-109. DOI 10.24031/2226-0781-2023-13-2-95-109
12. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 7. С. 68-84. DOI 10.12737/jrl.2022.073